

**КРИЗИС ВЕЩИ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ:
ВЛИЯНИЕ НА ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ВЕЩНОГО ПРАВА**

Аннотация: В статье автор представляет осмысление подходов к определению вещного права и рассмотрение их через призму текущих общественных и экономических отношений. Особое внимание уделяется проблеме отсутствия легальной дефиниции вещного права и кризису классического признака телесности вещи (corpus) в условиях цифровизации активов. В результате исследования предложено авторское определение вещного.

Ключевые слова: вещное право, вещь, право собственности, дематериализованные объекты.

Oleynikova Yu.O.

**THE CRISIS OF THE THING IN CIVIL LEGISLATION: ITS IMPACT
ON THE APPROACH TO DEFINING REAL RIGHTS**

Abstract: In this article, the author provides a rethinking of existing approaches to the concept of «real right» and considers them in light of modern social and economic relations. Particular focus is placed on the issue of the lack of a legal definition for real rights and the crisis of the classic requirement of physical substance (corpus) of a thing in the context of asset digitalization. The research results in a new proprietary definition of the term.

Keywords: Proprietary Rights, Thing/Tangible Object, Title of Ownership, Dematerialized Objects.

Институт вещных прав традиционно имеет фундаментальное значение в контексте современной цивилистики, обеспечивая статистическую составляющую имущественных отношений. В отечественной цивилистической традиции, воспринявшей постулаты германской пандектистики, категория вещного права продолжает восприниматься как антитеза обязательственному праву.

Однако на современном этапе общественных и экономических отношений мы вынуждены констатировать имеющийся концептуальный диссонанс: юридическая оболочка институтов владения, пользования и распоряжения остается в целом неизменной со времен первой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации 1994 года, в то время как экономическая реальность продолжает претерпевать радикальную трансформацию.

В первую очередь проблема заключается в отсутствии легальной дефиниции понятия «вещное право» - несмотря на то, что Гражданский кодекс Российской Федерации оперирует указанным термином в названии раздела II, определение самого понятия в законе отсутствует. Законодатель ограничивается лишь перечислением конкретных титулов (ст. 216 ГК РФ) и описанием содержания права собственности через классическую триаду полномочий собственника (ст. 209 ГК РФ).

Вместе с тем отсутствие четкого понимания сущности вещного права ведет к проблемам правоприменения.

В своей работе мы попытались осмыслить подходы к определению вещного права и рассмотреть их через призму текущих общественных и экономических отношений.

Отношение теоретиков и правоприменителей к природе вещного права претерпевало радикальное изменение по мере развития общественных отношений.

Римское частное право базировалось на абсолютной защите владения. Право собственности (*dominium*) понималось как прямое господство лица над телесной вещью (*corpus*), исключающее вмешательство любых третьих лиц. Римляне строго разделяли право на вещь и право требовать действия от человека (*obligatio*). Именно римская юриспруденция выработала принцип *numerus clausus* (замкнутости) видов прав на вещи, который Россия унаследовала через пандектистику.

Научная революция XIX века в Германии под руководством К.Ф. Савиньи и Б. Виндшайда систематизировала разрозненные нормы. Было сформулировано учение об абсолютных правах. Вещное право рассматривалось как субъективное гражданское право, объектом которого является чужое поведение пассивного круга лиц (все обязаны не мешать собственнику). Важнейшим вкладом стало разделение владения (*Besitz*) и собственности (*Eigentum*), а также детальная разработка теории ограниченных вещных прав (*iura in re aliena*).

Русские цивилисты (Д.И. Мейер, Г.Ф. Шершеневич, К.П. Победоносцев) адаптировали немецкие конструкции к российским реалиям. При этом русская школа всегда подчеркивала социальный аспект собственности.

Так, К. П. Победоносцев сформулировал вещное право следующим образом: «Право на вещь возбуждает всеобщую безусловную отрицательную обязанность относительно хозяина вещи - не делать ничего, что могло бы нарушить его право» [4, с. 282].

Октябрьская революция 1917 года привела к радикальному разрыву с классической доктриной. Марксистско-ленинская идеология рассматривала частную собственность на средства производства как источник эксплуатации.

После принятия части первой ГК РФ в 1994 году вещное право вернулось в правовое поле в качестве самостоятельного института.

К определению современного понятия вещного права обращено множество современных исследований.

К примеру, Е. А. Суханов указывает, что вещным правом является предусмотренное законом абсолютное субъективное гражданское право лица, предоставляющее ему возможность непосредственного господства над конкретной вещью и отстранения от нее всех других лиц, защищаемое специальными гражданско-правовыми исками [5, с. 496].

Б. М. Гонгало полагает, что интерпретировать вещное право надлежит в субъективном и объективном смысле. При этом в объективном смысле вещное право представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения по принадлежности вещи определенным субъектам, осуществление правомочий владения, пользования и распоряжения вещью в пределах, установленных законодательством, путем непосредственного воздействия на вещь [1, с. 329]. В субъективном смысле вещное право представляет собой юридически обеспеченную возможность управомоченного субъекта - обладателя вещного права владеть, пользоваться и распоряжаться индивидуально-определенной вещью своей волей и в своем интересе в пределах, установленных действующим законодательством [1, С. 329-330].

Согласно позиции Р.А. Рябина, «Вещное право представляет собой наиболее полное субъективное право, обременяющее индивидуализированную вещь в пределах, установленных в законе» [6, с. 87].

С.Н. Парыгин под вещным правом предлагает понимать «абсолютное субъективное гражданское право лица, предоставляющее ему возможность непосредственного господства над конкретной вещью и отстранения от нее всех иных лиц посредством способов защиты гражданских прав, установленных гражданским законодательством» [3, с. 106].

Таким образом, современный подход к рассматриваемому вопросу, в целом, основан на обособлении сущности вещного права через признаки определенности содержания вещного права, абсолютной защиты вещного права, сохранения вещного права за его обладателем в случае утраты последним фактического владения вещью, следования вещного права юридической судьбе вещи.

Вместе с тем классическая триада правомочий (владение, пользование, распоряжение) ориентирована на материальные объекты. При этом в современных реалиях мы продолжаем наблюдать за появлением дематериализованных объектов, не подпадающих под понятие вещей в силу отсутствия у них признака телесности, однако являющихся их аналогами. Аккаунты, игровые предметы, доменные имена, криптовалюты имеют колоссальную ценность, но регулируются договорами оказания услуг (EULA). Растет доля безналичных платежей в розничном обороте [2].

Тема кризиса понятия «вещи» является одной из наиболее острых и дискуссионных в современной российской цивилистике. Традиционная юридическая доктрина, сформировавшаяся в эпоху индустриального общества, опиралась на физическое, материальное понимание объекта права. Однако переход к цифровой экономике, развитие биотехнологий и усложнение социальных связей привели к тому, что классическое определение вещи перестало охватывать весь спектр объектов имущественного оборота.

В данной связи мы согласны с позицией Н. В. Шереметьевой, которая отмечает: «В настоящее время нормативное регулирование вещного права находится в состоянии становления. Причиной его несформированности являются различные экономические, социальные и политические преобразования, которые изменяли гражданский оборот и гражданские правоотношения, в рамках которых отдельные права

подвергались игнорированию, а другие, наоборот, ставились во главу угла» [7].

В данной связи мы предлагаем под вещным правом понимать законодательно установленную меру юридического господства лица над индивидуально-определенной вещью (телесной или дематериализованной), выражаемую путем непосредственного воздействия на свойства такой вещи, обеспеченную защитой от противоправных посягательств на вещь со стороны третьих лиц.

Закрепление подобной концепции на законодательном уровне позволит преодолеть ограниченность классической триады правомочий, обеспечить адекватную защиту цифровых титулов и адаптировать систему абсолютных прав к вызовам информационной эпохи, сохранив при этом принцип исключительности перечня вещных прав (*numerus clausus*).

Использованные источники:

1. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / Под ред. Б. М. Гонгало, - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва : Статут, 2017. - 511 с.
2. Доля безналичных платежей в РФ в I квартале выросла почти на 1 п.п., до 88,9% // Интерфакс.ру. – 2026. – 25.05.2026. – URL: [https://www.interfax.ru/business/1091598]: Дата обращения: 29.07.2026.
3. Парыгин С.Н. Определение понятия вещных прав и их признаки // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2015. №4 (45). С. 104-106.
4. Победоносцев, К. П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. / В. С. ЕМ. - Москва : Статут, 2002. 800 с.
5. Российское гражданское право: учебник: В 2 т. Т. 1 : Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. - 2-е изд., стереотип. - Москва : Статут, 2011. - 958 с.
6. Рябзин Р.А. Понятие и признаки вещных прав // ЭКОНОМИКА. ПРАВО. ОБЩЕСТВО. 2025. № 10 (1). С. 79-88.

7. Шереметьева Н. В. Недобросовестность в вещном праве. – М. :
Проспект, 2023. 136 с.